

Однако то, что ребенок в это время воспринимает, еще не является настоящим объектом: лицом, предметом, а лишь сигналом, простой структурой (Gestalt), образуемой простой, привилегированной частью лица.

3. Стадия «объекта»: между 6 - 8 месяцами ребенок начинает отличать знакомое ему лицо от незнакомого и начинает также проявлять тревогу при разлуке со знакомым человеком, что Р.А.Шпиц интерпретирует как проявление тревоги по поводу потери действительного объекта любви. С этого времени мать начинает занимать в психической жизни ребенка исключительное место; восприятие матери уже связано не только с поверхностными качествами объекта, но также с его существенными свойствами, связанными с удовлетворением самых глубоких инстинктивных потребностей [6].

Если ребенком была уже создана настоящая связь с объектом, причем она была вскоре после этого прервана, то происходит выразительное нарушение, которое Р.А.Шпиц назвал анаклитической депрессией, так как дело касается разрыва «анаклитических» уз. Если недостаток материнской заботы продолжается, то детериорация психического развития переходит в развернутую картину «госпитализма».

Э.Эриксон (1963) предполагает, что постоянство материнской заботы, удовлетворяющей потребности ребенка, является предпосылкой возникновения чувства доверия, которое необходимо для здорового психического развития. «Первое социальное достижение ребенка заключается поэтому в его непротивлении тому, что мать скрывается из виду, причем без чрезмерной тревоги и гнева ребенка, так как мать уже превратилась в его внутреннюю уверенность, так же как во внешнюю представляемость» [7].

Классическую психоаналитическую теорию отвергает в своих работах о сепарационной тревожности и инфантильной печали Дж.Боулби, который тоже первоначально исходил из психоанализа, однако позднее на него оказали сильное воздействие представления этологии. Отношение ребенка к матери обосновано не только удовлетворением «оральных» потребностей, это не только выведенный (вторичный) инстинкт, а связь, обусловленная целым рядом

врожденных инстинктивных реакций, из которых каждая является первичной и которые «встроены» в организм, так как они имеют значение для выживания например, крик, улыбка, слежение, придерживание. Данные инстинктивные системы приводятся в действие определенными характеристиками социальной среды. Тем, что они преимущественно связаны с одним лицом, они приобретают исключительную мотивационную ценность.

До тех пор пока дети находятся в тесной близости с матерью, данные инстинктивные системы реагирования не перестают их мотивировать. Если мать исчезает из их близости, то они ощущают первичную тревогу, т. е. тревогу, которая не отождествляется ни с какой другой, и не является также сигналом чего-то более неблагоприятного, еще только угрожающего. Сепарационная тревожность представляет в данном смысле элементарный опыт ребенка, возникающий благодаря тому, что инстинктивная система реакций хотя приведена в действие, но не завершена. Угроза тревожности является, следовательно, неизбежным риском отношения любви к лицу, осуществляющему заботу. Все дети в определенном раннем возрасте реагируют тревожностью на длительные или повторные сепарации от матери. Если же потеря матери продолжается более длительное время, то возникает не только первичная тревожность, но и печаль, где важную роль играет агрессия, функция которой заключается в достижении повторной связи.

Таким образом, психоаналитики первыми обратили внимание на явление и последствия депривации.

1.2.2 Бихевиористический подход

Иначе пытаются объяснить вопрос депривации теории учения. Основополагающей работой в данном смысле можно считать исследования У.Денниса (1935). Автор на основе своих наблюдений за детьми из детских учреждений (ясли в Тегеране) пришел к заключению, что умственная задержка вызвана у них не материнской депривацией, и что причину следует усматривать просто в недостаточной возможности учиться. В частности, в раннем возрасте

эти дети, ограниченные размерами детской постельки, обладают минимальной возможностью для осуществления движений и для поисковой деятельности. Позднее, хотя они и остаются в той же самой среде и без матери, они скорее улучшают свое положение, будучи уже способными самостоятельно обеспечить для себя поступление раздражителей. У.Деннис предполагает, что решающим в смысле глубины нарушения является недостаток специфичной практики в ситуациях.

Из ряда исследований, основывающихся на общей теории оперантного обусловливания, выделяется своей разработанностью теория Д.Л.Гевирца (1961). Этот автор усматривает сущность депривации в недостатке контакта между социально желательными реакциями и подкрепляющими их стимулами. Так, например, недостаток живых улыбок у грудных детей из детских учреждений можно объяснить тем, что их спонтанные улыбки не подкрепляются, не вознаграждаются вниманием окружающих лиц и поэтому «угасают». Где подобный недостаток имеет место с самого начала развития ребенка (Д.Л.Гевирц такой случай называет «привацией»), число подкрепляющих стимулов, вступающих в связь с реакциями ребенка, настолько мало, что оно недостаточно для образования основных навыков в период, когда подобное учение нормально протекает. Другим результатом обеднения среды является позднее привыкание к неблагоприятным реакциям испуга и другим эмоциональным реакциям, которые характерны для грудного ребенка. Длительно сохраняющиеся сильные эмоциональные реакции становятся затем препятствием для успешного учения. При привациях в большинстве случаев, однако, отсутствуют не все функциональные стимулы вообще, а лишь их определенный вид, чаще всего «социальные» стимулы. Подобный ребенок затем «закаляется» в отношении реакций испуга, он реагирует также соответствующим образом на обычные стимулы вещественной среды, но не на стимулы, исходящие от людей и отличающиеся для остальных детей особым положительным значением. Таким образом, ребенок не реагирует с

достаточной готовностью на социальную действительность и превращается в «аутистического» ребенка [8].

Иначе обстоит дело в случае «депривации», под которой Д.Л.Гевирц понимает ситуации, где социальные и другие стимулы нормальной среды сначала предоставлялись ребенку в достаточной мере и в соответствующих соотношениях, так что они приобрели для него важное значение, однако позднее они исчезли. В начале подобного изменения может произойти то, что поведение, являвшееся до сих пор действенным и соответствующим (например, призывы матери), превратится в более частое, как это бывает в ранних стадиях угасания обусловленных реакций. Появиться могут и совершенно несоответствующие эмоциональные реакции.

В целом Д.Л.Гевирц предполагает, следовательно, что депривированные дети из учреждений подвергаются лишениям из-за недостаточной возможности для оперантного обусловливания, хотя им и предоставляется, большая возможность для условной выработки на основе регулярной рутины ухода.

В отличие от этого Д.С.Брунер (1959) предполагает, что при депривации прежде всего поражается, только «более высокий» вид «когнитивного» учения [9]. По Д.С.Брунеру депривированным детям недостает условий для развития эффективных средств мышления для решения проблем и для действенного контакта со средой: не развиваются «модели среды» и «стратегия действий». Под понятием «модели среды» Д.С.Брунер понимает мыслительные схемы, посредством которых индивид сохраняет повторяющиеся случаи регулярности в данной среде: вероятность между явлениями, различение явлений существенных от второстепенных. В качестве же «стратегии действий» он понимает правила, необходимые для эффективного принятия решений и для направленного поведения. В условиях ранней депривации именно такие правила не могут вовремя организоваться, и, таким образом, отсутствует база для выборочного подхода к стимулам и для дифференциации отдельных областей деятельности. Если депривированному подобным образом индивиду

недостатке возможностей для учения. В этом случае следовало бы предполагать наличие медленного и постоянного снижения показателя - Q развития и такого же постепенного и медленного восстановления после депривационных поражений. Наилучшее объяснение данного явления дает, по мнению Г.Р.Шеффера, мотивационная теория, усматривающая в ретардации проявление апатии и инактивности, вызванных низким уровнем глобальной стимуляции в окружающей среде. Подобная апатия заметная, например, по низкому уровню гуканья и спонтанной активности, которая возникает сейчас же в начале помещения в обедненную среду, причем ее можно быстро изменить при повышении социального взаимодействия. Созревание ребенка при данных обстоятельствах идет нормально, однако его действительные проявления лежат значительно ниже его настоящих возможностей [10].

Таким образом, Г.Р.Шеффер ссылается в данном направлении на Прованс и Липтон (1962), объяснявших нарушения развития детей из учреждений несовершенной адаптацией к среде в результате ослабления интереса и усилий.

1.2.4 Социокультурный подход

Рассмотрим попытки некоторых социологов объяснить развитие ребенка и его отклонения в рамках всей социальной системы. Согласно данному пониманию, социальное развитие ребенка происходит не только посредством учения отдельным видам социальной деятельности и не ограничивается лишь связью ребенок - мать. В действительности ребенок является составной частью всей социальной системы и всегда постепенно усваивает формулу всей организованной социальной системы со всеми ее многочисленными ролями с поведением, отвечающим определенным социальным позициям и статусам. Он даже учится не только тем ролям, которые он сам постепенно перенимает и осуществляет, но и тем, которые касаются других лиц, как это видно по игре трехлетнего мальчика, который без предварительного упражнения вдруг воспроизводит роль матери или отца. Знание этих ролей ребенок усваивает путем непосредственного участия в социальных взаимодействиях - сначала по

отношению к матери и к отцу, а позднее в более широких рамках нуклеарной семьи и, наконец, также во взаимодействиях вне семьи.

Если в социальной структуре ребенка отсутствует какой-либо существенный элемент, определяющий четкую социальную роль например, если в семье отсутствует отец, мать, братья и сестры или если отсутствует общение со сверстниками, то из этого вытекает, что индивид лишен опыта в отношении некоторых компонентов культуры, которые детьми усваиваются обычно во взаимодействии с другими людьми. Депривация может в данном понимании расцениваться, в первую очередь как дефект в учении социальным ролям, обусловленный отсутствием определенного требуемого опыта в области социальных взаимодействий в детстве. Последствия же подобной депривации видны в неполной и недостаточной социализации: депривированный ребенок плохо подготовлен для соответствующего выполнения целого ряда ролей, которые будут от него ожидаться при его жизни в обществе - он чаще не будет оправдывать себя в браке как отец или мать, в дружбе, в сотрудничестве с другими людьми и т. п. Его способность предвосхищать позиции других людей будет ограниченной, так же как его умение делать различия между социальными ситуациями, предъявляющими различные требования (Х.Г.Гоф, 1955; О.Г.Брим, 1960).

Таким образом, если ребенок живет не в полной семье, у него нет социального опыта – то это может привести к явлению депривации.

1.3 Современные многоуровневые концепции депривации

В современной психологии существует такое явление, что вместо одной теории, которая бы объясняла все проявления психической депривации, мы находим несколько теорий. Попытка устранить данное расхождение посредством отказа от всех теорий, кроме одной, вызывает, как правило, энергичные возражения с позиций других теорий - возражения, которые нельзя преодолеть путем дальнейшего экспериментирования. Нам представляется поэтому более обнадеживающим вести поиск того, какие области сложного

явления депривации лучше всего объяснены в отдельных теориях, а также того, можно ли обнаружить между ними объединяющие элементы, добиваясь таким образом хотя бы временного объяснения.

1. На самом основном уровне проявления психической депривацию можно понимать как обусловленную «обедненной» средой, т. е. средой, характеризующейся недостаточным количеством, ограниченной изменчивостью или однообразным качеством сенсорных раздражителей. На данном уровне, очевидно, базируется объяснение «глобального синдрома» маленьких грудных детей по Г.Р.Шефферу, и сюда также относится объяснение замедленного развития детей из учреждений на основе пониженной инвестиции интереса к среде, как свидетельствуют об этом данные Д.Прованс и М.Липтон [11,12,13].

2. В определенном противоречии с требованием изменчивости стимулов стоит постулат релятивно стойкой когнитивной структуры. Депривацию в этом аспекте можно понимать как состояние, обусловленное недостатком стойкой, обозримой и понятной для ребенка на его ступени развития структуры стимулов, причем безразлично, как мы ее расцениваем: как формы контакта активности ребенка и подкрепляющих стимулов из окружающей среды, либо как условия для внутренней трансформации более сложных моделей среды.

3. Первоначальное понимание депривации («материнской») как состояния, обусловленного недостатком постоянного, тесного и стойкого отношения к одному лицу, во многих случаях является, несомненно, обоснованным и определяет один из основных факторов, принимающих участие в нарушении развития ребенка. Ребенок, бесспорно, нуждается в центральном «объекте», на котором сосредотачиваются все его виды активности и который обеспечивает для него требующуюся уверенность. Термин «объект», используемый в психоанализе, не является достаточно точным, хотя у некоторых депривированных детей действительно вещественный предмет (скорее, чем человек) может превратиться в подобный значительный центр его активности. При нормальных обстоятельствах это, конечно, скорее мать или другое лицо на

ее месте, становящиеся фокусом, к которому притягиваются все отдельные виды активности ребенка, «как верноподданные к королю» по определению Дж.Боулби. На данном уровне объяснения базируются те теории, которые изучают значение матери в качестве «организатора» всех отдельных тенденций ребенка. Заслуга психоанализа заключается в том, что он подчеркнул аспект эмоциональной связи между ребенком и матерью [14].

4. В определенном противоречии с требованием эмоциональной привязанности снова стоит требование личной автономии и необходимость принять на себя собственную социальную роль в контексте сложных общественных взаимодействий. Депривация в данном понимании обусловлена недостаточной возможностью для наблюдения за дифференцированными моделями социальных ролей. С данной точки зрения депривацию подвергают анализу социально-психологические, а также социологические теории.

Концепция психической депривации до сих пор не завершена и не является устойчивой, наиболее часто, особенно в англосаксонской литературе, используется название «депривация» (*deprivation*, или соотв. *privation*), обозначающее потерю чего-либо, лишения из-за недостаточного удовлетворения какой-либо важной потребности. Речь идет не о физических лишениях, а исключительно о недостаточном удовлетворении основных психических потребностей. Совершенно тождественны и остальные термины, выражающие в большинстве случаев аналогию с недостатком питания: психическое голодание (*psychological starvation*), психическая недостаточность (*carence mentale*). Дж.Трамер распознает две ступени серьезности значения данного состояния: психическое истощение (*inanitas mentis*), и уже явное болезненное изнурение, некую психическую кахексию (*inanitio mentis*) [15].

Некоторые исследователи стараются установить различие между ситуацией, когда ребенок с самого начала лишен определенных импульсов, так что некоторые специфические потребности вообще не возникают, и ситуацией, когда потребность уже возникла, и только после этого из жизненной среды ребенка исчезли импульсы, которые могли бы служить для ее удовлетворения.

Первую ситуацию можно было бы обозначить в смысле терминологии Д.Л.Гевирца в качестве «привации», тогда как вторую - в качестве «депривации», отождествляемой некоторыми исследователями с сепарацией [16].

Дж.Боулби говорит о частичной депривации (partial deprivation) там, где не произошло прямой разлуки матери с ребенком, однако их отношения по какой-либо причине обеднены и неудовлетворительны. Для обозначения данной ситуации М.Праг и Г.Харлоу используют наименование «скрытая» или «маскированная» депривация и делают различие, помимо этого между нарушенным и между недостаточным отношением матери к ребенку [3,17,18].

Под понятием «психическая депривация» в действительности нередко подразумеваются, следовательно, различные неблагоприятные влияния, которые в естественных жизненных ситуациях встречаются совместно и лишь в эксперименте могут быть частично изолированы.

Следующие формы психической депривации, выведенные из предшествующего рассмотрения, могут быть, следовательно, обозначены так:

- Депривация стимульная (сенсорная): пониженное количество сенсорных стимулов или их ограниченная изменчивость и модальность.
- Депривация значений (когнитивная): слишком изменчивая, хаотичная структура внешнего мира без четкого упорядочения и смысла, которая не дает возможности понимать, предвосхищать и регулировать происходящее извне.
- Депривация эмоционального отношения (эмоциональная): недостаточная возможность для установления интимного эмоционального отношения к какому-либо лицу или разрыв подобной эмоциональной связи, если таковая уже была создана.
- Депривация идентичности (социальная): ограниченная возможность для усвоения автономной социальной роли.

Двигательная, сексуальная, материнская и информационная также относятся к формам депривации, но встречаются они реже. Далее нами приведена схема основных форм психической депривации (Рисунок 2).

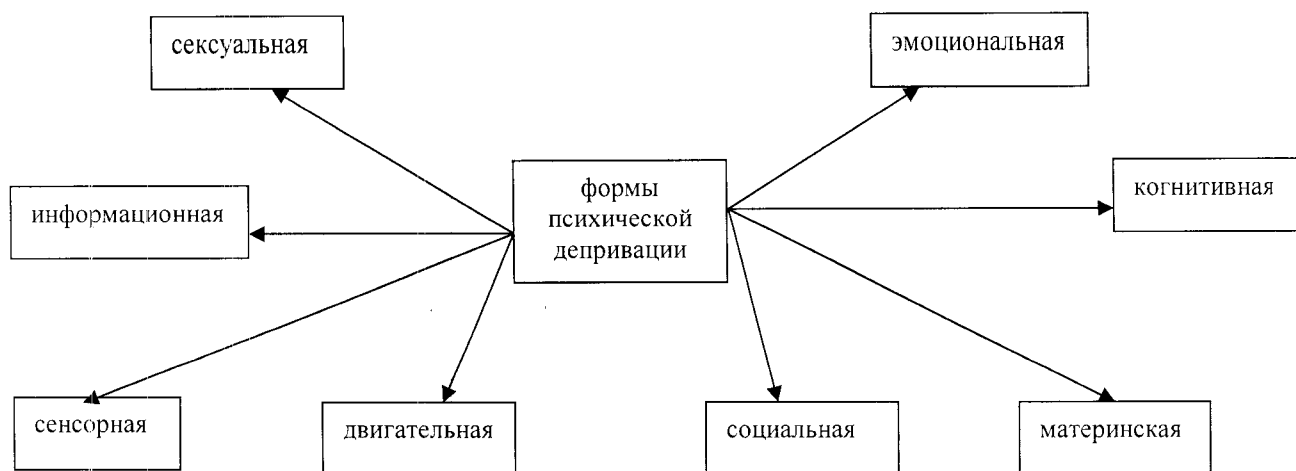

Рисунок 2 - Формы психической депривации

В данном исследовании мы рассмотрим лишь три вида депривации: сенсорную, двигательную и социальную, потому что именно эти виды в наибольшей степени важны для изучения развития детей, лишенных нормальной родительской заботы.

1.4 Виды и формы депривации

Сенсорная депривация

Примером сенсорной депривации является описание преддипломного экзамена, который сдавал курсант школы космонавигаторов, известный в кругах любителей фантастики пилот Пиркс из рассказа С.Лема «Условный рефлекс». Этот экзамен курсанты любовно называли «сумасшедшая ванна». С.Лем подробно описывает, как курсанта приводят в просторное помещение с бассейном, полным воды.

«Испытуемый — на студенческом жаргоне «пациент» — раздевался и погружался в воду, которую нагревали до тех пор, пока он не переставал ощущать ее температуру... Когда юноша, лежавший навзничь в воде, поднимал руку, воду прекращали нагревать и один из ассистентов накладывал ему на лицо

парафиновую маску. Затем в воду добавляли какую-то соль (но не цианистый калий, как всерьез уверяли те, кто уже искупался в «сумасшедшей ванне»), — кажется, простую поваренную соль. Ее добавляли до тех пор, пока «пациент» (он же «утопленник») не всплывал так, что тело его свободно держалось в воде, чуть ниже поверхности. Только металлические трубки высывались наружу, и поэтому он мог свободно дышать.

Вот, собственно, и все. На языке ученых этот опыт назывался «устранение афферентных импульсов». И в самом деле, лишенный зрения, слуха, обоняния, осязания (присутствие воды очень скоро становилось неощутимым), подобно египетской мумии, скрестив руки на груди, «утопленник» покоился в состоянии невесомости. Сколько времени? Сколько мог выдержать.

Как будто ничего особенного. Однако в таких случаях с человеком начинало твориться нечто странное... Около трети испытуемых не выдерживали не то что шести или пяти, а даже и трех часов».

Субъективные переживания Пиркса С.Лем описывает с большой достоверностью, похожие можно встретить и в самоотчетах участников подлинных научных экспериментов (работы психологов из Колумбийского университета Дж.Лилли, Дж.Шорли, 1961):

«Он вообще ничего не ощущал. Но эта пустота становилась тревожащей. Прежде всего, он перестал ощущать положение собственного тела, рук, ног. Он еще помнил, в какой позе лежит, но именно помнил, а не ощущал. Пиркс начал соображать, давно ли он находится под водой, с этим белым парафином на лице. И с удивлением понял, что он, обычно умевший без часов определять время с точностью до одной-двух минут, не имеет ни малейшего представления о том, сколько минут — или, может, десятков минут? — прошло после погружения в «сумасшедшую ванну».

Пока Пиркс удивлялся этому, он обнаружил, что у него уже нет ни туловища, ни головы, вообще ничего...

Пиркс будто растворялся постепенно в этой воде, которую тоже совершенно перестал ощущать. Вот уже и сердца не слышно. Из всех сил он